

Глава 11: Я не демонический олень

Изнутри дома донесся щелчок, и дедушка Цай, шаркая тапочками, вышел.

“Сяо Цзе, что случилось? Хочешь встать и попить воды?” - спросил он, стоя в дверях двух соединённых комнат.

Шэнь Цзицзе застыл на кровати, не издавая ни звука, все еще в тревоге от кошмара.

Почувствовав, что что-то не так, дедушка Цай включил свет и подошел к кровати, протянув руку, чтобы дотронуться до его лба, чтобы проверить, нет ли у него температуры, но обнаружил лишь горсть капель холодного пота.

“Сяо Цзе, что с тобой случилось?”

Голос Шэнь Цзицзе звучал немного фальшиво: “Дедушка, за мной гнался демон”.

Он еще не закончил фразу, когда Лу Жун, крепко спавший на боку, открыл глаза, его ресницы затрепетали. Он только что погнался за Шэнь Цзицзе, он был слишком далеко, чтобы увидеть, как тот вышел на свет, поэтому он тоже вернулся, как раз вовремя, чтобы услышать эту фразу, где его называют демоном.

Он быстро взглянул на человека рядом с ним, лежащего неподвижно, и лишь тихонько натянул одеяло повыше, чтобы полностью накрыться им.

Дедушка Цай успокаивал: “Не бойся! Не бойся, ах, это был кошмар. Это дедушка виноват в том, что напугал тебя перед сном. Рядом с нашей деревней нет ни диких кабанов, ни цветочных братьев, ничего. Это дедушка виноват, дедушка был неправ...”

“Дедушка, цветочный брат - демонический олень?” - в ужасе спросила Шэнь Цзицзе.

Дедушка Цай был ошеломлен: “Какой демонический олень?”

Лу Жун еще раз натянул одеяло и выглянул наружу своими двумя круглыми глазами.

“Цветочный брат - леопард, но все хорошо, в нашей деревне уже много лет не было этих диких тварей”. Дедушка Цай услышал, как Шэнь Цзицзе упомянул цветочного брата, почувствовал еще большее самоосуждение, поэтому он притянул Шэнь Цзицзе в свои объятия, как будто уговаривал Лу Жуна, и нежно похлопал его по спине.

Шэнь Цзицзе был всего лишь одиннадцатилетним ребенком, и после того, как он так сильно

испугался, он на некоторое время прислонился к рукам бабушки Цая, прежде чем его самообладание вернулось.

“Бабушка, а в деревне есть олень? Белый олень?” Шэнь Цзице выпрямился в руках бабушки Цая и сделал жест: “Олень немного больше щенка. Не больше желтой собаки, которую ваша семья называет Сяогао.”

“Нет, мы развиваем нашу деревню, поэтому звуки не могли привести к появлению диких зверей не ближе, чем на десять миль (1)”. Бабушка Цай успокаивающе сказал: “Это был всего лишь сон. Взгляни, ты все еще в кровати.”

(16,09 км)

Бабушка Цай протянул руку, чтобы погладить Шэнь Цзице по макушке, и сделал жест, словно выбрасывает что-то на землю. “Умоляю тетю-фею защитить ребенка, чтобы он спал спокойно, без сновидений и спал до рассвета”.

И встал на землю и отступил на несколько футов, улыбаясь: “Хороший мальчик, теперь спи, тетя-фея защитит тебя”.

Шэнь Цзе, наконец, снова лег, но подумал, как он сможет снова заснуть.

Он чувствовал, что то, что он видел было сном, в конце концов, это было слишком загадочно и объяснением могло послужить только, то, что все было сном. Но все было таким ярким, более реальным и подробным, чем все сны, которые он когда-либо видел. Он вспомнил демонического оленя и пару серебристых рогов, похожих на две картофелины, а также его причудливый танец и ухмылку.

Он беспокойно ворочался в постели, пока мягкая ладонь не коснулась его руки.

Шэнь Цзице подумал, что Лу Жун опять переворачивается во сне, и уже собирался убрать руку, когда тот прошептал ему на ухо: “Не бойся. Все в порядке, веди себя хорошо”.

Он также несколько раз успокаивающе хлопнул его.

Шэнь Цзице замер, его тело напряглось, и он понял, что этот ребенок тоже знал, что он боится кошмара. Его сердце было одновременно раздражено и немного разбито, поэтому он просто закрыл глаза и притворился спящим.

Если Лу Жун хотел посмеяться над ним, то он просто должен был сделать это, его действия не имели значения для него. К счастью, он не знал, что его напугали и заставили плакать во сне.

Лу Жун был слишком сонным, поэтому не стал смеяться над ним, а тоже тихо заснул.

Шэнь Цзицзе проснулся около полудня, и он был единственным, кто был в постели. Комната была полна яркого солнечного света, ослепляющего его глаза. Из кухни доносился звон посуды и потрескивание масла на сковороде.

Он лежал на солнце, вспоминая сцену прошлой ночи, и не мог сказать, было ли это реальностью или сном.

Я думаю, это был сон.

Шэнь Цзицзе легко догадался об этом, встал, нашел чистые шорты и футболку, надел их, прежде чем выйти из спальни.

Лу Жун сидел на ступеньках со своей большой желтой собакой на руках и шептал, чтобы она не издавала ни звука: "Тот человек еще спит, не шуми, не буди его".

Услышав шаги внутри дома, он немедленно отпустил собаку и подбежал к Шэнь Цзицзе, чтобы встать перед ним. Шэнь Цзицзе перестал зевать, закрыл рот и в замешательстве уставился на него.

Лу Жун задержал дыхание на несколько секунд, прежде чем спросить: "Ты хочешь почистить зубы и умыться?"

Шэнь Цзицзе не знал, что он имел в виду, из-за чего медленно, несколько настороженно кивнул.

Лу Жун быстро подбежал к краю двора, где стояла бетонная плита, используемая в качестве стола для стирки белья, с деревянным тазом и эмалированной банкой. Он выдавил зубную пасту на зубную щетку и открутил кран рядом с ней, чтобы набрать воды в эмалированную банку. Затем он осторожно положил зубную щетку на стол и встал рядом, глядя на Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе узнал в зубной щетке свою собственную, потому что рядом с ручкой щетки стояла большая тыква, которую он оставил в ванной прошлой ночью, не вынимая ее.

Лу Жун выдавил для него зубную пасту и ждал, когда он подойдет и почистит зубы?

Почему он был таким милым?

Шэнь Цзицзе не знал, что хочет этот парень, поэтому он стоял неподвижно, его защита поднялась еще на две отметки.

“Иди и почисти зубы”. Лу Жун отвел взгляд в сторону, опустив руки, и его тон был немного неловким.

Шэнь Цзе подумал две секунды, а затем направился к столу для стирки белья. По пути он смотрел на Лу Жуна с полуулыбкой и настороженным взглядом, засунув руки в карманы шорт и выглядя невозмутимо.

Он взял эмалированную банку, взял зубную щетку и понюхал ее, и это действительно была зубная паста. Он снова понюхал воду, повернулся спиной, чтобы не видеть Лу Жуна, и высунул язык, чтобы быстро попробовать ее.

Вода была родниковой, добытой из горного ручья, с легкой сладостью, без осадка на дне резервуара, очень чистая.

— Никакого подвоха не было.

Шэнь Цзицзе, наконец, начал уверенно чистить зубы. Когда он почистил зубы, то обнаружил, что ребенок не бездельничает. Он воспользовался деревянным тазом, чтобы набрать воды, и пошел на кухню, пытаясь вынести большой чайник.

От горлышка кувшина все еще шел пар.

Шэнь Цзицзе видел, как он с трудом тащит его, и с ответственностью старшего ребенка, заботящегося о младшем, он подошел со своей зубной щеткой, взял большой чайник и понес его, чтобы добавить горячей воды в деревянный таз.

Когда он отжал полотенце в тазу, то обнаружил, что Лу Жун все еще стоит рядом с ним, спокойно наблюдая за ним двумя большими влажными немигающими глазами.

Сердце Шэнь Цзицзе бешено заколотилось, но он сдвинулся, чтобы понюхать полотенце.

Странно, никакого запаха.

Он положил полотенце на лицо и вытер его, а потом увидел, что Лу Жун смотрит на него.

Это было... немного жутковато.

Шэнь Цзицзе не был уверен, пытался ли Лу Жун что-нибудь с ним сделать.

Его двоюродный брат Чжоу Чан, который был примерно того же возраста, что и Лу Жун, прошлым летом пришел к нему домой поиграть. Он нашел гусеницу в своей кровати после

пары разногласий, потому что тому не разрешали входить в его комнату по собственному желанию.

Шэнь Цзицзе знал, что с этими семилетними и восьмилетними детьми не стоит связываться. Они не играли по правилам и за кулисами устраивали грязные трюки. Но ничего необычного не происходило, его лицо было вымыто, и они вдвоем молча собрали кастрюли, по-прежнему не говоря ни слова.

Дедушка Цай вышел из кухни с едой и направился к квадратному столу под баньяновым деревом, поприветствовав этих двоих и сказав им, что пора есть. Сев, Лу Жун прикусил кончики своих палочек для еды и посмотрел на тарелки, закатив глаза.

Шэнь Цзицзе только что взял кусок говядины, когда услышал, как Лу Жун снова заскулил: "Дедушка..."

" Не пить". Дедушка Цай слегка прервал его и с помощью суповой ложки подал две тарелки яичного супа, играя ими перед двумя детьми.

Лу Жун надулся и не настаивал на том, чтобы выпить, Шэнь Цзицзе невыразительно удивился в глубине души: ` Действительно алкоголик. Он только пил вчера, но все еще хочет выпить сегодня. `

Об этом нужно будет рассказать Сяо Юну после начала занятий в школе.

Они втроем ели, когда дверь во внутренний двор распахнулась и вошел Шэнь Янь.

"Маленький дядюшка". Шэнь Цзицзе радостно встал.

Шэнь Янь подошел к столу, дотронулся до головы Шэнь Цзицзе и ущипнул Лу Жуна за лицо.

Он пришел, чтобы забрать Шэнь Цзицзе, и еще не обедал. Дедушка Цай попросил его поесть вместе, поэтому он, не колеблясь, сел и начал есть.

Телефон в кармане его куртки зазвонил как раз в тот момент, когда он взял миску и съел пару ложек. Он вытер рот рукой и снял трубку.

"...Когда это случилось? Как фундамент стал нестабильным? Это должно быть пересмотрено... Если мы не сделаем это прямо сейчас, будет слишком поздно, если что-то случится позже..."

Сидевшие за столом поставили свои тарелки и, затаив дыхание, слушали телефонный звонок Шэнь Яня.

Повесив трубку, Шэнь Янь сказал дедушке Цаю: “Дядя, я должен снова побеспокоить тебя, мне нужно спешить на другую строительную площадку, в город под горой. Если Сяо Цзе—”

“Не волнуйся, Сяо Цзе может остаться со мной, я позабочусь о нем”, - прервал его дедушка Цай.

Увидев, что Шэнь Цзицзе затуманено смотрит на него, Шэнь Янь сказал беспомощным и извиняющимся тоном: “Сяо Цзе, что-то случилось на стройке дяди Сяо, поэтому я не могу взять тебя с собой. Ты можешь пожить в доме дедушки Цая еще несколько дней. Я приеду за тобой, когда все закончу.”

Лу Жун услышал фразу о том, что, как только все будет закончено, он придет, чтобы забрать его, и его голова, уткнувшись в миску, резко поднялась. Он посмотрел на Шэнь Янь и посмотрел на Шэнь Цзицзе большими глазами, полными шока, но также и сочувствия.

Шэнь Цзицзе этого не заметил, теперь он хотел поднять шум, чтобы пойти со своим маленьким дядей, но он знал, что это невозможно.

Он слышал разговор по телефону и знал, что его дядя собирается на работу. Не говоря уже о том, что ему было одиннадцать лет, какой смысл плакать и кричать?

Кроме того, Лу Жун все еще наблюдал.

Поэтому он удержал свое сердце, полное горя, и спокойно кивнул: “Маленький дядя, просто уходи. Я останусь в доме дедушки.”

Шэнь Янь снова с облегчением погладил его по голове и после нескольких советов встал и вышел со двора.

“Поешь, прежде чем уйдешь!” - позвал дедушка Цай.

Шэнь Янь поспешно махнул рукой и сказал, не останавливаясь: “Я не собираюсь есть, я просто куплю булочку после того, как спущусь с горы. Сяо Цзе, ты должен сделать свою домашнюю работу, ты не можешь просто играть два дня.”

“Я сделаю это, позже я осмотрю местные достопримечательности и подготовлю материал для эссе”. Шэнь Цзицзе был спокоен, как взрослый, который знал, что делает.

Когда дедушка Цай закончил мыть посуду, к нему снаружи подошел деревенский работник, который попросил у него рекомендательное письмо для работы за пределами деревни, и он дал Лу Жуну и Шэнь Цзицзе несколько наставлений, прежде чем поспешить за дверь.

Лу Жун снова придвинул стол к двери и поставил скамейку напротив. Он не сводил глаз с Шэнь Цзицзе, и, хотя он ничего не говорил, смысл был ясен.

Шэнь Цзицзе хотел немного посмотреть телевизор, но ему пришлось сесть и достать из школьной сумки тетрадь с сочинениями. Вчера он начал писать только начало, поэтому сейчас пришлось ломать голову, чтобы продолжить сочинять следующую часть.

“...Когда я проснулся в своей больничной койке и увидел спину моего отца, он был таким высоким, маяком в моем сердце...”

В другом конце комнаты Лу Жун тоже начал писать, его карандаш шуршал по книге.

Шэнь Цзицзе лирически написал несколько предложений, его мозг иссяк и больше не мог думать ни о каких предложениях. Он начал терять концентрацию, так как часто поглядывал на Лу Жуна.

У Шэнь Цзицзе возникло искушение ткнуть в него карандашом, но он устоял перед искушением. Он вспомнил ободряющие слова Лу Жуна прошлой ночью, когда тот погладил его: "Не бойся, все в порядке, хороший мальчик". - и подумал, что этот ребенок выглядел бы милым, если бы не трудный характер.

По крайней мере, он был симпатичнее, чем его двоюродный брат, который схватил жука и напугал его.

Лу Жун писал очень усердно и очень медленно, его штрихи глубоко врезались в тетрадь. Его лицо было серьезным, брови нахмурены, а губы сжаты в тонкую линию.

Щелк!

Стержень карандаша сломалась.

Он поднял руку, чтобы поискать точилку для карандашей в канцелярской коробочке, а Шэнь Цзицзе поспешно опустил голову и сделал вид, что усердно пишет эссе.

“...Тетя медсестра воткнула иглу очень сильно и медленно, и игла глубоко вошла в мою руку. Папа сказал: “Не бойся, все в порядке, хороший мальчик”.

Вдохновение пришло!!!

Двое детей закончили свою домашнюю работу и начали смотреть телевизор. Центральная станция показывала "Путешествие на Запад", где Король Обезьян сражался с несколькими маленькими демонами, чтобы спасти захваченного монаха Тана. Шэнь Цзицзе видел это

несколько раз, и уже запомнив все реплики, но все равно без особого выражения развалился на деревянном диване, продолжая смотреть.

" Ты, маленький демон, выпусти моего хозяина!"

Лу Жун наблюдал за происходящим с большим интересом, когда услышал, как Шэнь Цзицзе внезапно спросил: "Эй, а на вашей горе есть какие-нибудь демоны?"

Лу Жун сел на маленький табурет перед телевизором, посмотрел на телевизор и покачал головой: "Нет".

Шэнь Цзицзе снова немного подумал, выпрямился и спросил Лу Жуна: "Правда?"

"Да." - решительно ответил Лу Жун.

Хоть он и мог превращаться в оленя, он не считал себя демоном.

"А как насчет демонов-оленей? Вы слышали о каких-нибудь белых оленях в округе? Которые танцуют как люди или что-то в этом роде?" Шэнь Цзицзе невозмутимо продолжал задавать вопросы.

Тело Лу Жуна напряглось, когда он сел прямо, затем быстро покачал головой.

Шэнь Цзицзе убедился, что это действительно был сон, поэтому он перестал задавать вопросы и продолжил наблюдать за Путешествием на Запад.

Лу Жун медленно выдохнул. Он уставился в телевизор и подумал: "Сунь Укун (2) — просто обезьяна. Даже если я могу превращаться в оленя, я определенно не демонический олень."

(Сунь Укун - Король Обезьян из "Путешествия на Запад")

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326840>